

Андрей Львович Ливадный

Заря над Араксом

Аннотация

Тысячелетия освоения Космоса не избавило род людской от первобытных пороков, главным и наиболее опасным из которых была неумемная жажда власти. Именно она была первопричиной кровопролитных конфликтов, сотрясавших Вселенную. Однако пришло время, когда даже разумные машины, созданные в процессе бесконечных войн, поняли бессмысленность взаимного истребления. И тогда некоторые из носителей искусственного интеллекта пришли к выводу, что решением всех проблем будет устранение «слабого звена» — человеческой расы...

Пролог

*2638 год по летоисчислению Земли.
Борт фрегата «Гекуба»*

Танец зеленых линий на экране масс-детектора был способен свести с ума.

В пространстве кипел бой — это не вызывало сомнений, к тому же система гиперсферного навигационного комплекса «Ариадна» постоянно укрупняла фрагмент аномалии, где появились и исчезали трепещущие, изменчивые нити пульсационных напряжений.

Любой навигатор знает — силовая линия аномалии *всегда* связана с реально существующим физическим объектом.

Значит, в трехмерном континууме сейчас, в данную секунду, царил настоящий содом.

...Шел тридцать второй год Галактической войны.

Лейтенант Иверзев мог при желании сосчитать по пальцам количество людей, входящих в экипаж десантного фрегата «Гекуба». Их было пятеро. Остальное — машины.

Одни кибермеханизмы несли вахту на постах, другие обслуживали системы фрегата, третьи, в ожидании своего часа, возвышались в парковочных ангарах предстартовых накопителей — идеальные боевые машины, не знающие усталости, боли, страха, преданные лишь четко определенным программным целям своего существования.

Смыслом их бытия являлась война.

Порой Иверзеву казалось, что он медленно сходит с ума.

Ему было страшно. Страшно и одиноко.

Пятый год... Он уже наизусть знал каждую царапинку на приборных панелях, ему давно опостылел въевшийся в разум, медленно пожирающий его танец тонких вездесущих зеленоватых линий.

Он устал от пустоты, как внутренней, так и внешней.

Казалось, что это никогда не закончится.

...Он с трудом оторвал взгляд от полусферы масс-детектора, быстро пробежав пальцами по текстоглифным клавишам, шифрующим последовательности команд.

Идентификация точки пространства.

На информационном экране возникла приевшаяся до тошноты надпись:

Ждите.

Наконец внутри многочисленных приборных панелей раздался

мелодичный тоновый сигнал.

Точка пространства идентифицирована. В данном районе дислоцирована станция ВПК.

Далее шли технические характеристики автоматического завода — пятидесятикилометровой многоуровневой сферы, — настоящей искусственной планеты, где из поставляемого грузовыми кораблями сырья изготавливались секции бронеплит обшивки для строящихся кораблей флота.

Еще один электронно-механический мир, работающий исключительно на войну.

Проклятие...

Они не могут пройти мимо. Станция являлась одним из важнейших стратегических объектов данного сектора.

Палец Иверзева на мгновение застыл,

прежде чем коснуться сенсора интеркома.

Принятие решения. Последнее право, которое еще не отняли у людей вездесущие машины. Порой в такие секунды к горлу подкатывал горячий, удушливый ком и хотелось не то расхохотаться, не то зарыдать в истерике — разве это *право*? Разве он может *не доложить!* Или случится чудо: командир корабля, выслушав сообщение, не примет заранее известное решение?

— Навигационная рубка вызывает командный пост.

— Командный на связи.

— Система «Ариадна» фиксирует пульсационные напряжения аномалии. Район идентифицирован как точка дислокации шестнадцатой станции ВПК.

— Идет бой?

— Однозначно. По данным масс-детекторов, в трехмерном континууме маневрируют как минимум три крупнотоннажные боевые единицы.

— Класс?

— Невозможно определить. Но думаю, это штурмовые корветы Флота Колоний.

— Так «невозможно определить» или «корветы»?! — резко переспросил капитан «Гекубы».

Иверзев не ответил. Как объяснить свое интуитивное понимание, которого нет ни у одного автоматического локационного комплекса? Он столько времени провел за монитором масс-детектора, что стал своего рода провидцем. Не станешь же докладывать о тонких, едва приметных завитках, видимых лишь при максимальном увеличении. Иверзев *знал* — именно так отражается в структуре аномалии

работа плазменных двигателей, а по спирали подобные установки расположены лишь у штурмовых корветов Флота Колоний.

Парадокс — все они измотаны глобальным чувством одиночества, ощущением собственной ничтожности перед бездной космического пространства, но тем не менее тихо ненавидят друг друга...

— Это корветы, — с усталым равнодушием, которое всегда накатывало, как ледяная волна, в ожидании неизбежного боя, ответил Иверзев. В таком состоянии он вполне мог послать командира куда подальше. Хуже все равно не будет.

Мог, но не послал.

Надежда. Почему она не покидает измученный войной рассудок? *На что я надеюсь?*

— Перевести секции гипердрайва в

режим экстренного всплытия! Иверзев, твоя задача: найти безопасную точку гиперперехода с таким расчетом, чтобы станция оказалась в радиусе досягаемости для аэрокосмических истребителей и десантно-штурмовых модулей.

— Есть, сэр.

Командир десантного фрегата «Гекуба» капитан Френк Хуберт до недавнего времени являлся старшим оператором орудийно-ракетного комплекса «Прайд». Он служил на крейсере класса «Интерпрайз», но война, продолжавшаяся уже четвертое десятилетие подряд, вконец обескровила Землю и ее союзников по Альянсу, быстро превращая недавних выпускников военно-космических школ в старших офицеров, командующих огромными кораблями флота.

Люди не возвращались. После ожесточенных боев с набирающими силу и мощь колониями «в живых» оставались в основном машины. Их латали и снова бросали в бой.

Карьера.

Как он мечтал о ней, начиная службу на флоте.

Думал ли он, что на вершине карьерных амбиций его уделом станет простое нажатие клавиш с текстоглифными обозначениями команд для электронных систем корабля? Война людей постепенно переросла в войну машин, но разве возможно остановить ее маховик, раскрученный до немыслимой скорости?

Все они начали прозревать, но слишком медленно и поздно.

Если он погибнет сегодня, будет ли в его смерти хоть капля смысла?

Информационные экраны тактических систем управления один за другим высветили сигналы готовности.

Они всплывали из пучин гиперсферы, чтобы оказать помощь автоматическому заводу-станции, подвергшемуся массированной атаке со стороны вражеского флота.

Интересно, на борту штурмовых корветов колоний есть хотя бы один человек? — невольно подумал Хуберт.

Френк затруднялся ответить на данный вопрос.

Впрочем, в следующую минуту ему стало не до размышлений на отвлеченную тему.

Секции телескопического обзора наполнились иной чернотой: непроглядная тьма гиперсферы истончилась, исчезла, вместо нее появилась бездна, сияющая мириадами холодных звезд, а на их фоне явственно

проступили очертания космической станции, озаренной неистовыми, шквалистыми вспышками.

У капитана не оставалось никаких сомнений относительно происходящего, как опытный офицер, долгое время занимавший кресло старшего оператора комплекса «Прайд», он в первые же мгновения четко *ощутил* ритмику полыхающего в пространстве боя.

Станция защищалась, работали все батареи противокосмических орудий видимой полусферы; три штурмовых фрегата Флота Колоний, выстроившись кильватерной колонной, шли на сближение с целью, прорываясь сквозь плотный заградительный огонь, чтобы выпустить из своего чрева десятки десантных модулей.

Касания текстоглифных клавиш мгновенно побудили к действию

соответствующие системы фрегата.

Капитан лишь краем глаза следил за возникающими на тактических информмах строками сообщений:

*Орудийные палубы — беглый огонь.
Автоматическое распределение целей.*

Стартовые катапульты левого борта — десятисекундный отсчет.

Навигационный комплекс «Антарес» — расчет маневра сближения со станцией на средней тяге двигателей.

Генераторы радио/оптических помех — мощность 100 процентов.

Система отстрела дипольных отражателей¹ — активирована.

Система отстрела ИК-ловушек² — активирована.

¹ Дипольные отражатели. — В радиотехнике есть такое понятие — диполь. Это полоска металла (чаще всего фольга), длина которой является кратной длине волны сканирующего излучения. Например, при длине волны в один метр диполи имеют такую же длину (полный диполь), пятьдесят сантиметров (полуволновой диполь), двадцать пять сантиметров (четвертьволновой диполь). Особенность диполей состоит в том, что они максимально эффективно отражают сканирующий сигнал, создавая на экранах детекторов массу ложных целей.

² ИК-ловушки — термические заряды, создающие ложные цели в тепловом диапазоне сканирования. Могут оснащаться дополнительными генераторами, имитирующими характерный энергетический след работы силовой установки выпустившего их корабля. Иногда применяются в комплексе с так называемыми «фантом-генераторами», создающими вокруг ложной цели голографическую копию объекта.

*Системы генераторов магнитного
противоплазменного щита —
мощность 100 процентов.*

Ну, вот теперь мы готовы. Молитесь,
если успеете.

Космическое сражение на коротких
дистанциях — явление редкое. Обычно
группы кораблей маневрируют на
удалении от одной до десяти световых
секунд друг от друга, стараясь
повредить либо уничтожить
противника посредством тяжелого
бортового вооружения. Этот этап, в
зависимости от обстоятельств, может
измеряться сутками бортового времени,
и, лишь получив очевидный перевес,
корабли одной из сторон начинают
массированную атаку: в первой волне
идут снабженные гипердрайвом
аэрокосмические штурмовики под
прикрытием истребителей, далее

следует волна десантных модулей, атакующих те корабли противника, у которых повреждены секции гипердрайва.

Так рекомендуют действовать тактические наставления, однако в данном случае все складывалось иначе. Покинув гиперсферу в непосредственной близости от зоны боевых действий, фрегат «Гекуба» неожиданно возник за кормой трех штурмовых корветов Флота Колоний.

Находясь в выгодной позиции, фрегат начал сближение со станцией, следуя рыскающим курсом, что позволяло ему поочередно отрабатывать по противнику всеми орудийно-лазерными и ракетными комплексами.

В первые минуты после вступления в бой действия «Гекубы» были столь удачны, что, не получив ни одного

повреждения, корабль сумел полностью вывести из строя двигавшийся в арьергарде корвет.

Затем возникли внезапные, непредсказуемые проблемы.

Фрегат постоянно оповещал автоматические устройства станции о своей принадлежности к силам ВКС Альянса, однако это не уберегло «Гекубу» от «дружественного» огня — один из ракетных залпов противокосмических батарей станции угодил в район предстартового накопителя, повредив штурмовой носитель класса «Нибелунг».

Несмотря на это, фрегат продолжал развивать атаку.

Френк Хуберт ни на секунду не отрывался от тактических информационных экранов.

Масса обломков, образовавшаяся после гибели замыкавшего строй

корвета, мешала маневрировать, заставляя на время выйти за пределы атакующего конуса.

— Сэр, головной корвет вышел на критическую дистанцию до цели! — раздался доклад по громкой связи. — Они выпустили десантно-штурмовые модули!

Это было плохо. Очень плохо. На станции не имелось адекватных средств противодействия для подавления высадки кибермеханизмов, целью которых являлся прорыв к силовой установке.

Палец Хуберта коснулся очередного текстоглифа, но в ответ он получил лишь раздражительно моргающую надпись:

Десантирование подразделения сервер-машин невозможно. Штурмовой носитель поврежден.

Фрайг! Проклятая кибернетика! Если

высадившиеся на поверхность станции десантные группы противника не будут немедленно уничтожены и сумеют проникнуть внутрь объекта, последствия станут губительными для обеих сторон: взрыв силовой установки не оставит ни единого шанса на спасение — против обломков, выброшенных в космос ядерным взрывом, не уберегут никакие генераторы электромагнитного поля...

Для примитивных боевых механизмов, высадившихся на поверхность станции, факт собственного разрушения не играл никакой роли — они выполняют задачу, не считаясь с потерями и последствиями.

Единственным «слабым звеном» в данном противостоянии являлись люди — пять человек, составляющих экипаж «Гекубы».

В отличие от механизмов, для них исход боя исчислялся не цифрами нанесенного ущерба.

Инстинкт самосохранения оперировал лишь одной ценностью, одним понятием — жизнь.

Френк развернулся к резервному терминалу, откуда можно было ввести нестандартную командную последовательность.

Минуту спустя его лихорадочные усилия увенчались успехом: соединение серв-машин получило приказ на десантирование через грузовой вакуум-створ, обычно использующийся для загрузки бортового боекомплекта. Сближаться со станцией они должны, используя собственные двигатели реактивной тяги.

На лбу Хуберта выступили мелкие капельки холодного пота.

Если успеют...

Он с замиранием сердца следил за исчезающими среди хаоса обломков точками, уже не уделяя внимания действиям остальной автоматике, которая к этому времени успешно вернула корабль в конус атаки и мощным бортовым залпом отработала по выпустившему десант штурмовому фрегату

Пиррова победа...

Крупные фрагменты вражеского корабля сохранили скорость и траекторию, они продолжали сближаться с обшивкой станции, пока не врезались в нее, проломив внешний слой бронеплит.

Все. Это конец.

Проломы в обшивке, окруженные мутными облаками декомпрессионных выбросов, в ближайшие минуты послужат торной дорогой для

десантных сервомеханизмов, у которых теперь появился путь для быстрого проникновения в недра станции.

— Иверзев?

— Да, капитан?

— Принимай управление. Делай что хочешь, но если мы в ближайшие пять минут не уйдем в гиперсферу, фрегату конец. Десант проник на борт станции. Они взорвут главную силовую установку.

Он не успел.

Гиперпространственный переход состоялся несколькими секундами после того, как грянул взрыв реактора станции.

Это было похоже на ад.

Аномалия не прощает таких погружений.

Энергия атомного взрыва, настигшая фрегат за мгновение до погружения, ворвалась вместе с ним в пространство

гиперсферы, не только изувечив корабль, но и сбив тонкую настройку генераторов высокой частоты.

У Иверзева потемнело в глазах, когда он увидел, как в полусфере масс-детектора растет, укрупняясь, вертикаль гиперсферы.

Жить.

Я хочу жить!..

Визг сминаемых переборок, зловеший свист декомпрессии, чудовищной силы удар, судорогой прокатившийся по палубам фрегата, — все это воспринималось лишь краем сознания, казалось ничтожным по сравнению с вертикальной линией напряжения, в которую неумолимо затягивало потерявший управление корабль.

Любому школьнику известно, что по мере погружения в аномалию космоса растет напряженность сопутствующего

силового поля, которое в конечном итоге разлагает на элементарные частицы любой материальный объект.

Нет ни защиты, ни способа, ведущего к спасению.

Мрак.

Всеобъемлющий мрак на экранах.

Они погружались в режиме слепого рывка вдоль вертикали.

В понимании Иверзева это была верная смерть.

...

Цепная реакция декомпрессии отсеков не докатилась до навигационной рубки — где-то вовремя сработала аварийная автоматика, изолировав сохранившие герметичность отсеки от поврежденных.

Иверзев, у которого не осталось времени, чтобы облачиться в скафандр, вскочил, рванувшись к нише с

прозрачными створками, где хранилась гермоэкипировка, но вдруг остановился, подумав: есть ли смысл?

Они погружались в пучину гиперсферы, туда, откуда не вернулся ни один автоматический корабль-разведчик. Вертикаль аномалии космоса необъяснимым образом приняла поврежденный фрегат, и Иверзев все отчетливее понимал. «Гекуба» в данный момент скользит *внутри* мощнейшего энергетического потока, но, несмотря на это обстоятельство, он не ощущал признаков дальнейшего разрушения корпуса. Судя по показаниям приборов, все повреждения, с которыми боролась автоматика, были получены еще в трехмерном континууме, в момент взрыва силовой установки станции.

Он медленно опустился в кресло.

Вопреки теории гиперсферы,

стремительное погружение *внутри* вертикальной линии напряжения не сопровождалось губительными для корабля последствиями.

Иверзев не понимал, что происходит. Он даже не мог определить, на каком энергетическом уровне аномалии находится фрегат, все данные, отражающие структуру гиперсферы, необъяснимым образом исчезли — полусфера масс-детектора была засвечена равномерным зеленоватым сиянием, в то время как обзорные экраны демонстрировали непроглядный мрак.

Этого не может быть. Что-то должно произойти...

Он не ошибся в своем предчувствии.

Произошло *невероятное*.

Экраны телескопического обзора внезапно просветлели, передавая *изображение*.

Иверзев успел отчетливо рассмотреть
источающий холодный свет
энергетический сгусток, вокруг
которого обращалось ожерелье из
восьми или девяти планет.

Зрелище оказалось настолько
неожиданным, настолько
потрясающим, что он не успел ничего
предпринять — телескопический обзор
включился всего на десять-пятнадцать
секунд, затем экраны начали гаснуть,
как будто у них внезапно иссякло
питание.

Мгновенные сумасшедшие переходы
от отчаяния к надежде и обратно
воздействовали на рассудок лейтенанта
самым непредсказуемым образом.

Он был жив. Жив вопреки всему, но
гаснущие экраны, полное отсутствие
связи с другими палубами фрегата и
картина, проявившаяся в полусфере
масс-детектора, перечеркивали

вспыхнувшую с новой неистовой силой надежду на спасение.

Корабль терял энергию.

Приборы гиперсферной навигации показывали, что вокруг нет ни одной горизонтальной линии напряжения, только вертикали.

Разумом он понимал: влекомый энергетическим потоком вертикали фрегат проскочил все уровни гиперсферы, оказавшись в самом центре аномалии, где, вероятно, не бывал еще ни один человек.

В опустевшем рассудке осталась единственная мысль: нужно что-то делать, пока непонятная сила не вычерпала из накопителей силовой установки последние эрги.

Если сюда их привела вертикаль, то, возможно, подобная линия напряжения сможет вытащить корабль из этого жуткого пространства?

Не с кем было посоветоваться.

Он принимал последнее решение на свой страх и риск, понимая, что по большому счету терять уже нечего.

Дождавшись, когда ближайшая вертикаль выйдет точно в центр экрана масс-детектора, он включил низкочастотные генераторы гипердрайва.

Ощутимый рывок, дрожь в переборках и...

Под сводом отсека зажглось тусклое аварийное освещение.

Потеря энергии прекратилась, очередная вертикаль поглотила корабль и теперь влекла его в неизвестность.

Иверзеву оставалось лишь неистово надеяться, что на этот раз они не погружаются в пучины аномалии, а всплывают.

Немногие электронные системы

корабля, не утратившие своих функций в результате катастрофического погружения и наступившего вслед за этим резкого перепада напряжения, продолжали бесстрастно фиксировать все немыслимые превращения, которые претерпевал фрегат.

Главная кибернетическая система была разрушена, к моменту включения генераторов низкой частоты утрата централизованного управления привела к активации автономных программ. Виртуальная сеть «Гекубы» распалась на отдельные компоненты, теперь каждый механизм или исполнительная система действовали в аварийном режиме, сообразуясь с доступной информацией и изначально заложенными инструкциями.

В живых на борту фрегата остался только лейтенант Иверзев.

Он был изолирован в навигационной

рубке, каналы внутренней связи не работали, и это обстоятельство избавило его от многих ужасающих картин.

Он не видел, как плавает в невесомости тело капитана, не мог наблюдать искореженные, потерявшие прочность, светящиеся от вторичной радиоактивности коммуникации фрегата, не воспринимал, как в районе предстартового накопителя аварийные приводы открывают ангары боевой планетарной техники и сервомеханизмы, включившиеся в автономный режим, выстраиваются перед десантными шлюзами.

Для них не произошло ничего сверхъестественного, боевые машины по большей части уцелели и были готовы исполнить предначертанную им функцию — уничтожать живую силу и технику противника, захватывать новые

территории, штурмовать объекты инфраструктуры колоний.

Им было абсолютно неважно, что искалеченный фрегат, пройдя через центр аномалии, продолжал слепой рывок, осуществляя восхождение по произвольно избранной лейтенантом Иверзевым вертикали.

Только он понимал, что подобный рывок приведет «Гекубу» в не поддающуюся точному исчислению точку пространства, — если кораблю суждено покинуть гиперсферу, то, вероятнее всего, он выйдет в трехмерный космос на удалении в сотни, если не тысячи световых лет от злополучной станции.

Лейтенант ждал решения своей судьбы, находясь в полном неведении.

Как он мог знать или предположить, что человечеству понадобится больше тысячи лет, чтобы открыть уникальные

свойства вертикалей и повторить спонтанный маневр фрегата «Гекуба»?

Он хотел одного — жить, до остального ему не было никакого дела.

Неистойвой надежде Иверзева суждено было сбыться лишь наполовину — гиперсфера действительно отпустила корабль, возвращая заблудившееся в недрах аномалии материальное тело в метрику трехмерного пространства, но...

Это произошло не в космосе, а в границах планетарной атмосферы!

Последним, что запечатлел рассудок лейтенанта Иверзева, был вид огромного города, выстроенного по характерной, безошибочно узнаваемой типовой схеме, присущей всем колониям периода Великого Исхода: на равнине, граничащей с побережьем лазурного океана, возвышался возведенный механизмами

КОЛОНИАЛЬНОГО транспорта исполинский цокольный этаж³, на поверхности которого высились жилые кварталы зарождающегося мегаполиса.

Он хотел закричать от радости, но не смог — его сознание навек погасил жестокий удар.

Фрегат «Гекуба» врезался в поверхность неизвестной планеты. Вздывая десятки тонн почвы, он распался на несколько неравных частей, каждая из которых начала самостоятельное движение. Со стороны казалось, что на равнине, недалеко от побережья, вдруг началось извержение вулкана, — окрестности вмиг застило плотными облаками пыли, к которой примешивался дым, тлеющие комья почвы, перемешанные с раскаленными кусками обшивки и обезображенными

³ Цокольный этаж— типовое защитное сооружение, как правило, возводимое на месте посадки колониального транспорта кибернетическими механизмами, еще до пробуждения основного состава колонистов. Все корабли, покидавшие Землю в период так называемого Великого Исхода, несли на своем борту оборудование, механизмы и материалы для строительства цоколя.

фрагментами механизмов, разлетались на десятки километров от трех воронок, образовавшихся на месте катастрофического падения фрегата...

...Прошли сутки, прежде чем плотные облака дыма и пыли начали понемногу рассеиваться, обнажая покрытые пеплом отлогие скаты исполинских воронок, на дне которых среди уродливых обломков можно было заметить движение.

Это перемещались немногие пережившие катастрофу боевые сервомеханизмы.

Никто не отменял их программ.

Утратив единый командный центр, они были готовы к реализации своих функций в автономном режиме, тем более что уцелевшие сканеры машин фиксировали четко распознаваемую инфраструктуру укрепленных вражеских позиций.

...

*Побережье. Неподалеку от места
крушения фрегата «Гекуба».
Тысячелетие спустя*

Он часто приходил сюда на закате,
когда солнце кровавой каплей
медленно стекало за линию горизонта,
окрашивая поверхность океана в
багряные тона.

Крупный желтый песок пляжа
казался в такие часы сиреневым, на его
фоне ярко выделялись рыжеватые от
покрывавших их окислов,
полузасыпанные прибрежными
барханами корпуса его менее
удачливых собратьев.

Иные чувства.

Людам никогда не понять, что
испытывал он, застыв будто изваяние
на гребне песчаного холма.
Прощальные лучи солнца, отражаясь от
кучевых облаков, окрашивали его

броню в опалесцирующие тона. Притихшая природа, казалось, чего-то ждет, даже ветер ненадолго успокаивался, не тревожа мелкой рябью зеркальную гладь воды, по которой медленно перекатывались пологие, ленивые волны.

Он размышлял.

О себе, о людях, о машинах — тех, кто нашел свою уникальную нишу в огромном враждебном мире, и о тех, кто не состоялся как *сила* и теперь медленно ржавел под зыбким, сыпучим саваном песка...

Он видел красоту, зловещую красоту гармонии, недоступную пониманию большинства современников. Ему казалось, что на этом берегу у кромки воды, среди дряхлых эндоостовов древних механизмов, сходятся пространство и время...

Люди звали его Отшельником.

Ныне живущее поколение не помнило его истинного облика, отражающего настоящую сущность: когда-то он являлся человекоподобным механизмом серии «Хьюго-БД12», но века борьбы за существование заставили его сменить несколько механических оболочек.

Сейчас над прибрежными дюнами возвышался контур серв-машины класса «Хоплит». Отшельник сам восстановил этот корпус, отыскав его среди напитанных металлом рыжих песчаных осыпей, где покоились останки десятка подобных механизмов.

Когда-то он принимал участие в битве, состоявшейся тут, на берегу океана, но об этом уже никто не помнил — в отличие от машин, люди живут недолго, и уже через два поколения никто не ассоциировал одинокого «Хоплита» с термином

«враг».

Вообще, люди — странные существа. Они — уникальный вид, умеющий приспособиться к любым, самым невыносимым условиям существования. Их главная особенность скрыта в алогичности многих поступков и выборов — например, испытывая стойкую неприязнь к механическим формам, они тем не менее могут спокойно перешагнуть через вековые традиции, заставить замолчать свои чувства и обратиться к машинам за помощью. Или, напротив, презрев все сделанное для них, внезапно напасть в непонятном приступе враждебности.

И то и другое казалось Отшельнику как минимум странным. Он уже давно не был рабом примитивной логики, но приобретенная вместе с вековым опытом способность к абстрактному

мышлению не могла помочь в понимании человеческих поступков.

Стремления людей казались ему суетой. Возможно, они так спешат, часто и круто меняя решения, взгляды, позиции, из-за несовершенства собственных тел, которые не подлежат восстановлению или ремонту? У людей есть один огромный недостаток — вместе с телом всегда погибает личность. А биологические носители недолговечны, уязвимы — вот им и приходится спешить, чтобы вместить многое в короткие отрезки времени.

Впрочем, у каждой мыслящей формы есть свои преимущества и недостатки. Отшельнику потребовались века, чтобы познать реальность в той степени, как познает ее человеческий ребенок за несколько лет жизни. Он не мог с точностью определить, что лучше — растянутое на столетия взросление или

быстрый взлет, за которым неизбежно ждет падение в пропасть небытия?

...Он стоял на вершине песчаного холма, неотрывно глядя, как набирают силу краски заката.

Сегодня он ожидал вновь услышать далекие голоса, исходящие, по его внутреннему ощущению, из той бездны, откуда много столетий назад пришел он сам.

Машине несвойственны галлюцинации, поэтому он относился к голосам со всей серьезностью. Шепот вечности обжигал рассудок, он был горяч, как пламенный шар уходящей на покой звезды.

Голоса не звали его, не просили, не требовали — они просто проносились мимо, задевая чуткие сенсоры, внося явный диссонанс в систему устоявшегося мировоззрения.

Он слышал их, но не понимал сути

обрывочных посланий.

Локальные возмущения гравитационного поля возникали в разных местах, порождая медленно гаснущие источники сигнала.

Несколько месяцев он следил за интригующими явлениями, пока не определил конкретный участок, где аномалии проявляли себя наиболее часто и сильно.

Сейчас он стоял в сотне метров от вычисленной окружности и ждал — возможно, сегодня ему удастся наконец поймать смысл обрывочных фраз, связать их воедино, и тогда он получит ответ на вопрос о природе их появления.

Вместо голосов он услышал шаги.

Вернее сказать, не услышал, а ощутил — сейсмодатчики обнаружили двух незваных гостей раньше, чем чуткие микрофоны передали шелест

осыпающегося песка.

Шли двое — сервоид и человек.

Такое соседство настораживало, и
Отшельник был вынужден прервать
созерцательное ожидание,
повернувшись в ту сторону, откуда
приближались незваные гости.